

Часть первая

ГЛАВА 1

После двенадцати мы сидели в кафе на улице Сен-Жак, это был обычный весенний день, такой же, как все. Я немного скучала, потихоньку; пока Бертран обсуждал лекцию Спайра, я бродила от проигрывателя к окну. Помню, облокотившись на проигрыватель, я засмотрелась на пластинку: как она медленно поднимается, потом ложится на сапфировое сукно, прикасаясь к нему нежно, будто щека к щеке. И, не знаю почему, меня охватило сильное ощущение счастья: в тот момент я вдруг физически остро почувствовала, что когда-нибудь умру, и рука моя уже не будет опираться на этот хромированный бортик, и солнце уже не будет смотреть в мои глаза.

Я обернулась к Бертрану. Он смотрел на меня и, увидев мою улыбку, встал. Он

и мысли не допускал, что я могу быть счастлива без него. Я имела право на счастье только в те минуты, которые были важными для нашей совместной жизни. Я уже начала понимать это, но в тот день мне это было невыносимо — и я отвернулась. Рояль и кларнет, чередуясь, выводили «Покинутый и любимый», мне был знаком каждый звук.

Я встретила Бертрана в прошлом году, во время экзаменов. Мы провели бок о бок беспокойную неделю, пока я не уехала на лето к родителям. В последний вечер он меня поцеловал. Потом он мне писал. Сначала о пустяках. Затем тон его изменился. Я следила за этими изменениями не без некоторого волнения, и когда он написал мне: «Смешно так говорить, но, кажется, я люблю тебя», — я не солгала, ответив ему в том же тоне: «И правда смешно, но я тоже тебя люблю». Это вышло как-то само собой, вернее, внешне было созвучно тому, что написал мне он. В доме моих родителей, на берегу Ионны, было не очень весело. Я ходила на высокий берег и, глядя на скопище желтых водорослей, на их колыхание, начинала бросать шелкови-

стые, обкатанные камешки, черные и стремительные на глади волн, как ласточки. Все лето я про себя повторяла: «Бертран», думая о будущем. В конце концов, договориться о взаимной страсти в письме было вполне в моем духе.

И вот теперь Бертран стоял позади меня. Он протягивал мне стакан. Я обернулась, и мы оказались лицом к лицу. Он всегда немного обижался на то, что я не принимала участия в их спорах. Я любила читать, но говорить о литературе мне было скучно.

Он никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты всегда ставишь одну и ту же мелодию. И знаешь, я ее очень люблю.

Последнее он постарался сказать равнодушно, и я вспомнила, что первый раз мы слушали эту пластинку вместе. Я постоянно обнаруживала в нем ростки сентиментальности — он помнил какие-то вещи, служившие вехами в нашей связи, которые моя память не сохранила. «Ведь он ничего не значит для меня, — вдруг подумала я, — мне скучно, я ко всему равнодушна, ничего не ощущаю, ровным счетом ничего». И снова чувство какого-то

бессмысленного возбуждения подступило к горлу.

— Мне нужно повидать моего дядю-путешественника, — сказал Бертран. — Ты пойдешь?

Он прошел мимо меня, и я последовала за ним. Я не знала дядю-путешественника и не испытывала ни малейшего желания его узнать. Но что-то заставляло меня идти за этим молодым человеком, глядя на его чисто выбритый затылок, соглашаться, не сопротивляясь, а тем временем в голове моей проносились обрывки мыслей, холодные и ускользающие, как маленькие рыбки. Впрочем, я чувствовала к Бертрану нежность. Мы шли с ним по бульвару, звуки наших шагов сливались так же, как ночью сливались наши тела; он держал меня за руку; мы были такие изящные, так хорошо смотрелись, как на картинке.

Пока мы шли по бульвару и стояли на площадке автобуса, который вез нас к дяде-путешественнику, я любила Бертрана. Из-за тряски меня бросало к нему, он смеялся и обнимал меня, защищая от толчков. Я прислонилась к нему, к его плечу, к муж-

скому плечу, такому удобному, чтобы положить на него голову. Я вдыхала его запах, он был мне хорошо знаком, он волновал меня. Бертран был моим первым любовником. Это благодаря ему я узнала, как пахнет мое собственное тело. Так всегда: благодаря телу другого мы узнаем собственное, его длину, запах, сначала с недоверием, потом с признательностью.

Бертран говорил мне о своем дяде-путешественнике, которого он, видимо, не любил. Он рассказывал о его поездках так, будто это была сплошная комедия; Бертран постоянно выискивал комедии в чужих жизнях, так что начал побаиваться, не разыгрывает ли комедию и он, сам того не замечая. Мне это казалось комичным. Его это приводило в ярость.

Дядя-путешественник ждал Бертрана на террасе кафе. Когда я заметила его, то сказала Бертрану, что он весьма недурен. Но мы уже подошли к нему, он поднялся.

— Люк, — сказал Бертран, — я пришел с подругой, это Доминика. Это мой дядя Люк — путешественник.

Я была приятно удивлена. Я подумала: «Очень даже ничего этот дядя-путешест-

венник». У него были серые глаза, лицо усталое, пожалуй грустное. Он был по своему красив.

— Как прошла последняя поездка? — спросил Бертран.

— Отвратительно. В Бостоне пришлось заниматься скучнейшим делом о наследстве. Всякие заплесневелые адвокаты суют нос во все углы. Очень надоело. А что у тебя?

— У нас через два месяца экзамены, — сказал Бертран.

Слова «у нас» он подчеркнул. В этом была супружеская сторона Сорбонны: говорить об экзаменах, как о грудном младенце.

Дядя повернулся ко мне:

— Вы тоже сдаете экзамены?

— Да, — сказала я неопределенно. (Моя деятельность всегда заставляла меня испытывать некоторый стыд.)

— У меня кончились сигареты, — сказал Бертран.

Он встал, и я проследила за ним взглядом. Он шел быстро, упругой походкой. Когда я порой думала, что весь этот набор мускулов, рефлексов, матовой кожи при-

надлежит мне, то всегда считала это удивительным подарком.

— Чем вы занимаетесь, кроме экзаменов? — спросил дядя.

— Ничем, — ответила я. — Всякой ерундой. — Я вяло махнула рукой.

Он поймал мою руку на лету. Я смотрела на него озадаченная. В голове моей пронеслось: «Он мне нравится. Немного староват, и он мне нравится». Но он опустил мою руку на стол и улыбнулся:

— У вас все пальцы перепачканы чернилами. Это хороший признак. Вы успешно сдадите экзамены и будете блестящим адвокатом, хотя по вашему виду не скажешь, что вы разговорчивы.

Я засмеялась вместе с ним. Мне захотелось, чтобы он стал моим другом.

Но тут вернулся Бертран; Люк заговорил с ним. Я не вслушивалась в их разговор. Люк говорил медленно, у него были большие руки. Я подумала: «Типичный соблазнитель юных девиц моего склада». Я насторожилась. Не настолько, впрочем, чтобы не почувствовать легкого укола, когда он предложил нам позавтракать через день всем вместе, но уже с его женой.

ГЛАВА 2

Два дня до этого завтрака у Люка прошли довольно скучно. Да и в самом деле, что мне было делать? Готовиться к экзамену, от которого я не ждала ничего особенного, валяться на солнце, заниматься любовью с Бертраном без особенной взаимности с моей стороны? Я, впрочем, любила его. Доверие, нежность, уважение — я не пренебрегала всем этим, мало думая о страсти. Такое отсутствие подлинных чувств казалось мне наиболее нормальным способом существования. Жить, в конце концов, значило устраиваться как-нибудь так, чтобы быть максимально довольным. Но и это не так легко.

Я жила в частном пансионе, населенном одними студентами. Хозяева отличались широким взглядом на вещи, и я спокойно могла возвращаться домой в час,

в два ночи. У меня была большая, с низким потолком комната, совершенно голая, потому что мои первоначальные планы как-то ее украсить быстро провалились. От убранства комнаты я требовала одного — чтобы оно мне не мешало. В доме царил тот самый провинциальный дух, который я так люблю. Мое окно выходило во двор, огороженный низкой стеной, над ней кое-как примостилось небо, всегда урезанное по краям, зажатое со всех сторон небо Парижа, иногда вырывавшееся в убегающую даль над какой-нибудь улицей или балконом, волнующее и нежное.

Я вставала, ходила на лекции, встречалась с Бертраном, мы завтракали. Библиотека Сорбонны, кино, занятия, террасы кафе, друзья. По вечерам мы отправлялись на танцы или шли к Бертрану, лежали в постели, занимались любовью и потом долго разговаривали в темноте. Мне было хорошо, но всегда во мне, словно теплое живое существо, был этот привкус тоски, одиночества, порой возбуждения. Я говорила себе, что у меня, должно быть, просто больная печень.

В пятницу, до завтрака у Люка, я зашла к Катрин и посидела у нее полчаса. Катрин была подвижна, деспотична и непрерывно влюблена. Я не столько дорожила ее дружбой, сколько ее терпела. Она считала меня существом хрупким, незащищенным, и мне это нравилось. Иногда она даже казалась мне удивительной. Мое равнодушие ко всему представлялось ей чем-то поэтичным, так же как оно долго представлялось поэтичным Бертрану, пока его не захватило желание обладать, всегда такое требовательное.

В этот день она была влюблена в одного из своих двоюродных братьев и очень длинно рассказывала мне об этой идиллии. Я сказала ей, что иду завтракать к родственникам Бертрана, и сама вдруг заметила, что уже немного забыла Люка. И пожалела об этом. Почему я не способна рассказать Катрин такую же нескончаемую и наивную любовную историю? Она даже этому не удивлялась. Мы с ней прочно утвердились каждая в своей роли. Она рассказывала — я слушала, она советовала — тут я уже не слушала.

Встреча с Катрин выбила меня из колеи. Я отправилась к Люку без всякого энтузиазма. Даже со страхом: надо разговаривать, быть любезной, казаться веселой. Насколько приятнее было бы позавтракать одной, повертеть в руках баночку с горчицей, и чтобы не было никакой ответственности, ни малейшей, совершенно никакой. Когда я пришла к Люку, Бертран был уже там. Он представил меня жене своего дяди. У нее было открытое, доброе, очень хорошее лицо. Крупная, немного тяжеловесная, светловолосая. В общем, красивая, но не вызывающая. Я подумала — она из тех женщин, которых многие мужчины хотели бы иметь рядом с собой, женщин, умеющих давать счастье, — словом, ласковых, мягких. Ласкова ли я? Надо будет спросить у Бертрана. Конечно, я брала его за руку, не кричала на него, перебирала его волосы. Но ведь я вообще терпеть не могла кричать, а моим рукам нравилось ласкать его волосы, теплые и густые, как мех какого-то животного.

Франсуаза с самого начала отнеслась ко мне очень мило. Показала мне квартиру —

отлично обставленную, наполнила мне рюмку, усадила в кресло, заботливо и непринужденно. Неловкость, которую я чувствовала из-за своей немного поношенной юбки и обвисшего свитера, почти прошла. Ждали Люка, он был на работе. Я подумала, не надо ли мне проявить хоть какой-нибудь интерес к профессии Люка, чего, вообще говоря, я никогда не делала. Мне хотелось спрашивать у людей: «Вы влюблены? Что вы читаете?» — но никогда меня не трогала их профессия — часто, с их точки зрения, вопрос первостепенный.

— У вас грустный вид, — заметила Франсуаза, улыбаясь. — Налить вам еще виски?

— Спасибо.

— У Доминики уже репутация пьяницы, — сказал Бертран. — И знаете почему?

Он вдруг встал и подошел ко мне с серьезным видом.

— Верхняя губа у нее коротковата: когда она пьет, прикрыв глаза, на лице появляется проникновенное выражение, не имеющее отношения к виски.

Говоря, он держал мою верхнюю губу между большим и указательным пальцем. Он демонстрировал меня Франсуазе, как молодую охотничью собаку. Я засмеялась, и он меня отпустил.

Вошел Люк.

Когда я увидела его, я еще раз подумала, и на этот раз с некоторой болью, что он очень красив. Его красота действительно причинила мне боль, как любая вещь, которой я не могла обладать. Мне редко хотелось чем-нибудь обладать, но тут я сразу поймала себя на мысли, что мне хочется взять это лицо в руки, неистово сжать пальцами, прижаться губами к этим крупным, немного удлинённым губам. А ведь красив он все-таки не был. Потом мне это часто говорили. И несмотря на это, хотя я видела это лицо всего два раза, было в нем что-то, что сделало его для меня в тысячу раз менее чужим, в тысячу раз более желанным, чем лицо Бертрана, который мне как-никак нравился.

Он вошел, поздоровался, сел. Он умел сохранять удивительную неподвижность. Я хочу сказать, в медлительности его жес-

тов было что-то напряженное, сдержанное, он как бы забывал о своем теле, и это даже тревожило. Он с нежностью смотрел на Франсуазу. Я смотрела на него. Я не помню, о чем мы говорили. Особенно много говорили Бертран и Франсуаза. Надо сказать, я не могу без ужаса вспоминать всю эту преамбулу. В тот момент было достаточно проявить хоть немного осторожности, замкнуться — и я бы ускользнула от него. Зато мне не терпится дойти до того первого раза, когда я была счастлива с ним. Одна мысль, что я опишу эти первые мгновения, вдохну на минуту жизнь в слова, наполняет меня радостью, горькой и нетерпеливой.

И вот завтрак с Люком и Франсуазой кончился. Потом, на улице, я сразу же приноровилась к быстрым шагам Люка, — как ходит Бертран, я забыла. Когда мы переходили улицу, Люк взял меня за локоть. Помню, меня это стесняло. Я не ощущала ни своего предплечья, ни кисти, вяло повисшей вдоль тела, как будто там, где не было руки Люка, моя рука омертвела. Я не могла вспомнить, как же это я ходила с Бертраном. Потом они с Франсуазой

отвели меня к портному и купили мне красное драповое пальто, а я была в таком оцепенении, что не смогла ни отказаться, ни даже поблагодарить их. Уже тогда в присутствии Люка все происходило очень быстро, развивалось стремительно. Потом время снова обрушилось как удар, снова появились минуты, часы, выкуренные сигареты.

Бертрана очень разозлило, что я приняла это пальто. Когда мы остались одни, он устроил мне настоящую сцену:

— Это совершенно невероятно! Неизвестно кто предложит тебе неизвестно что — и ты не откажешься! Более того, даже не удивишься!

— Это не неизвестно кто. Это твой дядя, — выкручивалась я. — В любом случае я не смогла бы купить это пальто сама: оно ужасно дорогое.

— Ты могла бы обойтись и без него, я полагаю.

За два часа я успела привыкнуть к новому пальто — оно мне удивительно шло, — и эта последняя фраза меня немного задела. В моих рассуждениях была все-таки некоторая логика, ускользавшая от Берт-

рана. Я сказала ему об этом, мы стали спорить. В заключение он привел меня к себе без обеда, в виде наказания. Наказанием это было для него, я знала, что час обеда — самый важный, самый почитаемый им час суток. Он лежал рядом со мной и целовал меня с осторожностью и трепетом, это трогало меня и пугало. Мне больше нравилось веселое бесстыдство первой поры нашей связи, молодые, по-животному непосредственные объятия. Но когда я почувствовала его всего, когда он стал нетерпеливо искать меня, я забыла нынешнего Бертрана и наше взаимное недовольство. Со мной был прежний Бертран, и это ожидание, и это наслаждение.

И сейчас, именно сейчас, счастье, физическое самозабвение кажутся мне невероятным подарком, и поэтому особенной насмешкой представляется необходимость признать это главным, несмотря на все мои былые выводы и ощущения.

ГЛАВА 3

Мы еще несколько раз обедали вчетвером или с приятелями Люка. Потом Франсуаза уехала на десять дней к своим друзьям. Я уже полюбила ее; она была необыкновенно внимательна к людям, очень добра, в ее доброте чувствовалась большая твердость, а порой боязнь чего-то в людях не понять, и это нравилось мне больше всего. Франсуаза была как земля, надежная, как земля, а иногда ребячливая. Они с Люком часто смеялись вместе.

Мы провожали ее с Лионского вокзала. Я уже была не такой робкой, как вначале, напротив — почти раскованной: словом, я повеселела, потому что исчезновение вечной моей тоски, которой я все еще не решаюсь дать название, внесло приятную нотку в мой характер. Я стала живой, иногда озорной; мне казалось, что такое по-

ложение вещей может продолжаться бесконечно. Я привыкла видеть Люка, а внезапное волнение, охватывавшее меня при встрече с ним, приписывала эстетическим причинам или привязанности. У вагона Франсуаза улыбнулась.

— Я вам его доверяю, — сказала она нам.

Поезд отошел. Когда мы возвращались, Бертран отстал, чтобы купить уж не знаю какой литературно-политический журнал, что-то его там возмутило. Люк вдруг повернулся ко мне и очень быстро сказал:

— Пообедаем завтра вместе?

Я начала ему говорить: «Хорошо, я спрошу у Бертрана», — но он меня перебил: «Я вам позвоню», — и повернулся к Бертрану, в этот момент нас догнавшему.

— Что за журнал тебе понадобился?

— Я его не нашел. У нас сейчас лекция, Доминика. Надо торопиться.

Он взял меня под руку. Я была в его власти. Они с Люком смотрели друг на друга с недоверием. Я растерялась. Франсуаза уехала, и все стало тревожным и неприятным. Я без всякого удовольствия

вспоминаю это первое проявление внимания ко мне Люка, потому что, как уже говорила, нацепила на себя превосходные шоры. Я отчаянно хотела возвращения Франсуазы, которая была для нас оплотом. Я понимала, что наш квартет держится на фальшивой основе, и это огорчало меня; как все, кому ничего не стоит солгать, я была чувствительна к окружающей обстановке и вполне искренна, играя в ней свою роль.

— Я вас отвезу, — бросил Люк.

У него была открытая быстрая машина, он хорошо ее водил. По дороге никто из нас не проронил ни слова, только «до скорого», когда расставались.

— В общем, я рад, что она уехала, — сказал Бертран. — Невозможно постоянно видеть одних и тех же людей.

Эта фраза исключала Франсуазу из наших планов, но я ничего не сказала Бертрану. Я становилась осторожной.

— И потом, — продолжал Бертран, — все-таки они немного староваты, правда?

Я не ответила, и мы отправились на лекцию Брема об эпикурейской морали. Я слушала ее некоторое время не шеве-

лясь. Люк хотел пообедать со мной вдвоем. Это было похоже на счастье. Я водила пальцами по скамье, чувствовала на лице невольную улыбку. Пришлось отвернуться, чтобы ее не увидел Бертран. Это длилось минуту, не больше. Потом я сказала себе: «Тебе польстило его приглашение, это вполне естественно». Сжигать за собой мосты, отрезать себе все пути, не поддаваться — у меня всегда была хорошая ответная реакция молодости.

На следующий день я решила, что мой обед с Люком должен быть занятным и без последствий. Я представляла себе, как он появится и с пламенным видом сделает мне признание. Он приехал, немного опоздав, был рассеян, я же испытывала единственное желание — чтобы он обнаружил хоть какое-нибудь волнение от нашего тет-а-тет. Но никакого волнения не было, он говорил о разных вещах так спокойно и с такой непринужденностью, что в конце концов и я переняла его тон. Вероятно, это был единственный человек, с которым мне было уютно и совершенно не скучно. Потом он предложил мне пообедать и повез меня в «Сонни». Там он встретил дру-

зей, они присоединились к нам, и я мысленно обозвала себя тщеславной дурочкой — с чего я, собственно, взяла, что ему хочется остаться со мной наедине?

К тому же, глядя на женщин за нашим столиком, я отметила, что во мне нет ни элегантности, ни блеска. Короче говоря, от роковой молодой девушки, какой я казалась себе весь день, к полуночи осталась жалкая, упавшая духом личность, стесняющаяся своего платья и взывающая про себя к Бертрану, которому она кажется красавицей.

Друзья Люка говорили о содовой воде, о ее благотворном действии на следующий день после попойки. Все эти существа употребляли содовую воду, а по утрам тщательно занимались собой, будто собственное тело — это прелестная игрушка, оно служит предметом удовольствия и неустанных забот. Может быть, мне нужно забросить книги, разговоры, прогулки пешком и броситься в море дорогих развлечений, в суету сует и другие затягивающие занятия того же рода? Иметь средства и стать красивой вещью? Эти люди, нравятся ли они Люку?